

The book cover features a detailed illustration of a man and a woman. The man, on the left, has long, wavy brown hair with blonde highlights, a light beard, and is wearing a red t-shirt under a grey jacket. The woman, on the right, has long, flowing purple hair and is wearing a dark, strapless top. They are both looking towards the viewer. The background is a soft, warm glow, possibly from a window. The title is written in large, white, serif capital letters at the bottom, and the author's name is in smaller white text at the top right.

СЛАДКАЯ АРМАН
сирения

НА ГРАНЯХ РЕАЛЬНОСТИ

СИрения - Сладкая Арман На гранях реальности

<https://litres.ru/74254704>

Аннотация

Их любовь возникает там, где её не ждут, и сгорает там, где она казалась вечной. В двух мирах, в двух историях они ищут друг друга, переживая радость и предательство, страсть и утрату. Всё повторяется, но каждое чувство остро и неотвратимо. И когда границы реальностей рушатся, всё, что казалось потерянным, вдруг становится возможным.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	72
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Реальность А

Стас

Я стоял у массивной колонны, с бокалом вина, наблюдая за этим карнавалом. Очередная вернисажная вечеринка, очередной повод для пустых разговоров. Мое внимание, скользящее по пестрой толпе, внезапно наткнулось на островок напряженного спора. И застряло.

Она спорила с маститым галеристом Петровичем о каком-то инсталляционном перформансе. Брюнетка. Высокая, в простом черном платье, которое сидело на ней так, что хотелось изучать каждую складку. Ее карие глаза горели, жесты были резкими и точными.

- Вы называете это искусством? Это конвейерная банальность, лишенная даже намек на искренность! - ее голос резал воздух как стекло.

Петрович что-то бормотал о «новых формах», но она его буквально размазывала по стенке логикой и язвительностью. Я оторвался от колонны и подошел ближе, привлеченный этой внутренней силой. Она заметила мое приближение, на секунду ее взгляд скользнул по мне, оценивающе, и вернулся к оппоненту. Когда Петрович, покраснев, ретировался, она осталась одна, глотнув из бокала шампанского. Я подошел вплотную.

- Вы только что убили человека. Публичная казнь. Впечатляюще, - сказал я.

Она повернулась ко мне. Ее глаза были еще ярче вблизи, с золотистыми искорками вокруг зрачков.

- А вы всегда подбираетесь к жертвам, чтобы зафиксировать момент смерти? - парировала она без тени улыбки.

- Только к самым интересным. Станислав, - я протянул руку.

- Мария, - ее пальцы коснулись моих на мгновение, прохладные и твердые. - И вы, Станислав, тоже считаете, что эта... куча мусора в углу гениальна?

- Я считаю, что это дорогая куча мусора, которая хорошо вписывается в интерьер. Я архитектор. Для меня главное - чтобы ничего не падало на голову.

Уголки ее губ дрогнули. Почти улыбка.

- Прагматик.

Мы простояли еще час, и наш разговор был сплошным диалогом, быстрым и цепким, как поединок.

- Вы так яростно защищаете искренность, - сказал я. - Но разве эта ваша ярость - не тоже своего рода перформанс? Эффектный жест для галереи?

Она прищурилась.

- А вы всегда все сводите к расчету? Может, это просто аллергия на дутый талант.

- Аллергия проявляется сыпью, а не публичными казнями.

ми. Это уже осознанная позиция.

- Осознанная. Да. А у вас она есть? Позиция? Или вы просто ставите колонны, где скажут?

- Я ставлю колонны там, где они будут держать крышу. Без метафор. Впрочем, - я сделал паузу. - Есть одна вещь, которую я ненавижу в современной архитектуре.

- Ну?

- Бессмысленные стеклянные фасады. За которыми ничего нет. Та же куча мусора, только дороже.

- Bravo, - она слегка приподняла бокал. - Кажется, вы способны видеть суть. Хотя и прячетесь за цинизмом.

- Цинизм - моя броня. В вашем мире, наверное, тоже не выжить без кожи потолще.

- В моем мире? - она покачала головой. - У меня нет мира. Я свободный агент. Пишу статьи, иногда курирую проекты для тех, кто не боится. А боятся почти все.

- А вы не боитесь?

- Боюсь. Но равнодушия. Это хуже любой критики.

Мы обменялись еще парой колких, но уже более личных реплик. Она говорила об искусстве как о живом организме, который задыхается в стерильных пространствах белых кубов. Я возражал с позиции рационалиста, но уже без былой уверенности. Она разглядела во мне романтика в бронежилете. И, к моему удивлению, это не было обидно.

- Я ухожу, - объявила она наконец, достав из крошечной сумочки телефон. - Этот бой гладиаторов меня утомил.

- Позвольте проводить. Вдруг на улице вас поджидают обиженные современные художники.

- Я справлюсь, - она натянула легкое пальто. - Но... проводите до такси.

На улице был прохладный вечер. Воздух, после спертой атмосферы вернисажа, казался шампанским. Она шла рядом, молча, ее плечо иногда касалось моего.

- Ваш цинизм, - вдруг сказала она, не глядя на меня. - Он как тот стеклянный фасад. Красивый, прочный, и за ним совершенно непонятно, что происходит.

- Может, там сад, - предположил я. - Или библиотека. Или просто пустота.

- А вам самому-то интересно?

- Становится интересно, когда кто-то пытается разбить окно.

- Опасное занятие, - она наконец посмотрела на меня. - Можно порезаться.

Мы дошли до оживленного перекрестка. Я поймал такси, открыл ей дверцу. Она собралась залезать, но вдруг остановилась и обернулась.

- Спасибо. За компанию. И за то, что не стали спорить.

- Я умнее, чем кажусь, - усмехнулся я.

- Докажете? - посмотрела она мне в глаза.

- Как?

- Позвоните, - и она, выхватив у меня из рук телефон, быстрыми движениями набрала свой номер. В ее сумочке за-

звонил звонок. Она протянула аппарат обратно. - Теперь у вас есть и номер, и доказательство, что я существую. А не привиделась вам после третьего бокала.

Но черт возьми, какое это имело значение сейчас? Весь мой прагматизм, вся выстроенная годами защита из иронии и скепсиса рассыпалась в прах. Она внимательно посмотрела на меня. Потом резко, почти импульсивно, поднялась на цыпочки и прижалась губами к моим. Это был вызов. Страстный, влажный, полный скрытой силы и обещания. В нем была вся она - дерзкая, непредсказуемая. Я ответил ей с той же жадностью, вцепившись рукой в ее волосы, чувствуя запах ее духов - что-то терпкое, с нотками кожи и табака. Она оторвалась первой, запыхавшись. Ее карие глаза потемнели, стали почти черными.

- До свидания, Станислав.

- До встречи, Мария. Очень скоро.

Дверца захлопнулась, желтое такси растворилось в потоке машин. Я остался стоять на тротуаре, сжимая в руке телефон. Весь мир вокруг будто отодвинулся на второй план. Медленно провел ладонью по лицу, пытаясь вернуться в реальность. Вернисаж продолжался, но возвращаться туда не было ни малейшего желания. Все там казалось теперь бутафорией. Я повернулся и пошел не оглядываясь, давая ногам выносить наружу внутреннее напряжение. В голове стучала одна мысль: «Позвоните». Холодный воздух обжигал разгоряченную кожу, но внутри полыхало пламя, зажженное ее

поцелуем. Архитектор во мне уже начал строить планы, но сердце, заглушая рациональный шум, билось одним словом: «Скоро».

Глава 2

Мария

Мой телефон завибрировал, как только я переступила порог квартиры. Неизвестный номер.

- Надеюсь, таксист не оказался маньяком. Это Станислав. Тот, кто не спорит.

Я улыбнулась в трубку.

- Проверяешь, жива ли жертва? Я дома. И таксист был милой души человеком.

- Жаль. А я уже готовился к роли спасителя. Завтра. Бар «Ангар» на Патриках. Восемь вечера.

Это был ультиматум, поданный под соусом самоиронии. И мне это понравилось. Я ненавидела нерешительность.

- Будь там. И приготовьтесь, на этот раз я буду спорить.

- Жду с нетерпением.

На следующий день я провела в состоянии легкой лихорадки. Что надеть? Как себя вести? Я ловила себя на том, что в середине рабочего дня, редактируя статью о постмодернистской литературе, вдруг начинаю вспоминать, как его рука вцепилась в мои волосы, когда мы целовались. Притяжение. Два полюса одной магнетической стрелки. Каждая клетка моего тела, казалось, помнила его вкус – терпкий, с оттенком вина и чего-то неуловимо своего. Я злилась на эту навязчивость, но не могла остановить поток воспоминаний.

Бар «Ангар» оказался темным, шумным местом с отличной музыкой. Он уже сидел за столиком в углу, с бокалом виски. Увидев меня, он не встал, лишь отодвинул стул рядом с собой жестом.

- Садись рядом. Здесь лучше слышно.

Я села. Наша встреча была продолжением вчерашнего диалога. Он спрашивал, я отвечала, иногда резко, иногда задумчиво. Между фразами висели паузы, в которых наши взгляды встречались и разбегались, словно испуганные птицы. Он смотрел на меня так, будто пытался прочесть мелкий шрифт на давно забытом языке. А я ловила себя на том, что разглядываю его руки – широкие ладони, длинные пальцы, легкие шрамы на костяшках. Руки, которые вчера держали меня так крепко.

- Итак, - сказала он. - Искусство. Настоящее. Докажи, что оно существует вне контекста этих ваших... вернисажей.

- Ты хочешь сказать, что «Джоконда» стала бы шедевром, висия в прихожей? - парировала я.

- В моей прихожей она бы пылилась. Но дело не в месте. Дело в том, что ее ценность создана не гением Леонардо, а миллионами туристов, которые приходят на нее посмотреть, потому что так надо. Стадное чувство.

- Цинично. А что насчет личного отклика? Ощущения, когда картина, книга, музыка бьет точно в нерв, заставляет чувствовать?

- Это называется гормональный всплеск. Химия.

Мы спорили три часа. Об искусстве, о политике, о смысле жизни, о глупости маленьких собачек и вкусе настоящей пасты. Спорили жаростно, азартно. Я забыла о времени, о том, что я должна казаться кем-то. Я была просто собой - едкой, саркастичной, увлеченной. И он принимал эти правила. Он не пытался мне понравиться. Он атаковал, парировал, смеялся своим низким, немного хриплым смехом. Его карие глаза, такие же темные, как и у меня, следили за каждым моим движением, ловили каждую эмоцию. В какой-то момент мы замолчали. Музыка сменилась на что-то медленное, блюзовое. Шум вокруг куда-то испарился.

- Знаешь что, - сказал он тихо, отодвинув свой бокал. - Ты самая утомительная женщина из всех, кого я встречал.

- Спасибо, - ответила я. - Лучший комплимент за всю ночь.

- Я не делаю комплиментов. Я констатирую факт. Мне с тобой интересно. И это чертовски раздражает.

Он заплатил по счету, не спрашивая. Мы вышли на улицу. Было уже за полночь. Город затих.

- Провожу, - заявил он, ловя такси.

- Я не маленькая.

- А я не спрашиваю.

В такси мы молчали. Его бедро плотно прижималось к моему, передавая тепло. Я чувствовала его запах - не одеколон, а просто запах чистой кожи, мыла, чего-то мужского и простого. Голова кружилась от вина, от усталости, от его близости.

сти.

У моего подъезда он вышел вместе со мной.

- Ну что, - сказал он, глядя на меня сверху вниз. - Приглашаешь на чай?

Это была не просьба. Это была следующая стадия нашего противостояния. И я знала, что проиграю. Я хотела проиграть.

- Только если ты обещаешь продолжать спорить, - выдохнула я.

- Обещаю.

В лифте он прижал меня к стене и поцеловал - глубоко и властно. Я отвечала с той же силой, впиваясь пальцами в его плечи. Дверь в мою квартиру едва успела закрыться, как мы уже срывали друг с друга одежду, спотыкаясь и задыхаясь, в прихожей, в коридоре.

Мы рухнули на кровать в моей спальне, еще полуодетые. Прикроватный светильник опрокинулся с тумбочки с глухим стуком. Нам было не до этого. Лунный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, выхватывал из тьмы обрывки наших тел: его напряженное плечо, спутанную простыню.

Его руки были повсюду - грубые, требовательные. Они срывали с меня последние покровы.. Его ладони были шершавыми, руки архитектора, привыкшие к чертежам и моделям, а теперь изучающие изгибы моего тела. Он прижал мои запястья к кровати над головой, и этот жест владения, вместо того чтобы испугать, вызвал новую волну желания. Я вы-

гнулась, пытаюсь освободиться, но он был сильнее.

- Держишь слово, - прошептала я, задыхаясь. - Продолжай спорить.

- Молчи, - его голос был хриплым, губы обжигали кожу на моей шее, скользили ниже, к груди. - Просто чувствуй.

И я чувствовала. Каждое прикосновение его губ, каждый участок кожи под его пальцами. Он был другим. Не таким, как предыдущие любовники, более нежными или предсказуемыми. В нем была ярость, жадность. Он не просто хотел меня, он хотел поглотить, присвоить. И я отвечала ему тем же. Мои ногти впились в его спину, я кусала его губу, пока не почувствовала вкус крови. Его зубы коснулись моего соска, и я застонала, дернувшись всем телом.

Когда он вошел в меня, это было резко, почти болезненно. Я вскрикнула, но не отстранилась, а, наоборот, обвила его ногами, притягивая ближе, глубже. Его тело было тяжелым, реальным, выбивающим дух. Он замер на секунду, его дыхание было горячим у моего уха.

- Боже, Маша... - прошептал он. Не Мария. Маша.

И потом уже не было слов. Только ритм. Жестокий, неумолимый. Стук кровати о стену, наши прерывистые стоны, хриплый шепот, в котором тонули и мои имя, и брань, и мольбы. Его лицо было искажено гримасой наслаждения и концентрации, волосы падали на лоб. В его глазах, таких близких, я видела вожделение.

Я кончила первой - тихо, сдавленно, с долгим, пронзи-

тельным стоном, будто меня разорвало изнутри светом. Он кончил сразу после меня, с тихим стоном, зарывшись лицом в мою шею. Его тело обмякло на мне, тяжелое и потное. Я лежала, глядя в потолок, чувствуя, как безумная дрожь внутри меня понемногу стихает. Он откатился на спину, запыхавшийся.

Минуту мы лежали молча. Потом он повернулся на бок, облокотился на локоть и посмотрел на меня. Его рука легла на мой живот, ладонью вверх, в немом вопросе.

- Что? - спросила я тихо, голос был сиплым.

- Ничего, - он покачал головой, и в углу его губ дрогнула тень улыбки. - Просто... ничего.

Он наклонился и поцеловал меня. Уже нежно. Это было самым странным во всей этой бурной ночи. Эта внезапная нежность после бури.

Потом мы лежали, прижавшись друг к другу, и слушали, как за окном проезжают редкие машины. Я чувствовала запах его кожи, смешанный с моим, запах секса и пота. Я знала, что ничего подобного со мной еще не было. И что я хочу еще. Больше. Быстрее. Глубже. Вихрь, в который мы попали, только набирал силу. И я уже не хотела из него вырываться.

Глава 3

Стас

Проснулся я от того, что в лицо мне светило солнце, пробивавшееся через щель в шторах. Первое ощущение - непривычная тяжесть на руке. Второе - запах. Сладковатый, цветочный запах. Духи Марии. Повернул голову. Она спала, отвернувшись ко мне спиной, и моя рука онемела под тяжестью ее тела. Ее темные волосы растрепались по подушке, обнажая изящную линию шеи и плеча. На ее спине, чуть ниже лопатки, красовался свежий след от моих пальцев. Синяк. Я смотрел на этот синяк и чувствовал странное, непривычное для себя удовлетворение. След. Отметина. Доказательство того, что все это не было сном на уставшую от одиночества голову.

Осторожно высвободил руку, она застонала во сне, но не проснулась. Встал с кровати, наступил на ту самую опрокинутую тумбочку. Комната выглядела так, будто здесь пронёсся ураган. Одежда разбросана по полу, простыня сползла, на полу валялся пустой бокал. Я собрал свои вещи, не особо стараясь навести порядок. Мне нужно было на работу, через пару часов должна была начаться встреча по новому проекту.

Заварил кофе на ее крошечной кухне, нашел в шкафчике чашку с зайчиками. Показалось смешным. Мария с ее

острым языком и чашка с зайчиками. Пока кофе закипал, я осмотрелся. Квартира была небольшой, но уютной. Книжки везде. Не только на полках, но и стопками на полу, на подоконнике. В основном современная литература, критика, модные романы. Я взял одну с подоконника, полистал. Сплошной поток сознания, ни одного понятного предложения. Усмехнулся. Конечно. На полке рядом с книгами стояло несколько фотографий. Одна – явно семейная, с родителями, летняя, на каком-то дачном крыльце. Другая – она с подругами, смеющаяся, с бокалами в руках. Ни одного мужчины. Мне почему-то стало от этого спокойнее. На холодильнике магнитиками был прикреплен листок со списком дел, написанным размашистым, энергичным почерком. «Дописать статью к 15.00», «Купить хлеб», «Не забыть про выставку Серегина», «Позвонить маме». Буднично. Обыденно. И от этого проникало внутрь какое-то теплое, щемящее чувство. Я видел не только боевую, язвительную Марию с вернисажа, но и просто женщину, которая живет своей, наполненной жизнью. Эта жизнь теперь, волей случая или чего-то большего, пересеклась с моей.

Выпил кофе, собрался уходить. На прощанье снова заглянул в спальню. Она все еще спала. Казалась такой беззащитной без своего острого языка и цепкого взгляда. Оставил на кухонном столе свою визитку, просто так, на всякий случай. Хотя какой, к черту, случай. Я знал, что мы увидимся. И она знала.

Весь день на работе я был не в своей тарелке. Мысли постоянно возвращались к ней. К тому, как она спорила, как смеялась, как вскрикнула, когда я вошел в нее. Это было навязчиво, как мелодия, которая крутится в голове. Я ловил себя на том, что во время серьезного обсуждения фасада с заказчиком представлял, как ее карие глаза сверкают гневом. Чертовски отвлекало. Мои коллеги заметили мою рассеянность. «Стас, ты в порядке? Похоже, не выспался», - пошутил кто-то. Я отмахнулся, но внутренне ухмыльнулся. «Не выспался» - это было самое мягкое, что можно было сказать. Я был вывернут наизнанку, и все мое тщательно выстроенное расписание, все планы вдруг потеряли свою былую значимость. Вместо анализа сметы я вспоминал запах ее волос на подушке. Это было неприлично, непрофессионально и... чертовски приятно.

Вечером я не выдержал. Не стал звонить, просто поехал к ней. Стоял под ее окнами, смотря на свет в ее квартире на четвертом этаже. Что я, в общем-то, делал? Это было глупо, по-мальчишески. Я, Станислав, привыкший все контролировать и планировать, стоял как подросток под окнами девушки. Но ноги сами привели меня сюда. Я поднялся, постучал. Она открыла. В старых спортивных штанах и большой футболке. Волосы были собраны в небрежный пучок, на лице - следы усталости, но также и легкое удивление, смягчившее ее обычно собранные черты.

- Стас? - удивилась она. - Что случилось?

- Ничего, - ответил я, заходя внутрь. - Просто был рядом.

Она смотрела на меня с недоумением, но дверь закрыла. В ее взгляде читался вопрос, но задавать его вслух она не стала. Просто приняла мое присутствие как данность, и в этом тоже была ее сила.

- Голоден? - спросила она через плечо, направляясь на кухню. - Я как раз собиралась что-то приготовить.

- Я уже ел.

Она пожала плечами, достала из холодильника пачку творога и банан. Я сел на табуретку и смотрел, как она ест, стоя у столешницы. Было что-то гипнотизирующее в ее простых, будничных движениях. В том, как она очищала банан, как аккуратно размешивала творог ложкой. Это была обычная жизнь. И я, нарушитель ее спокойствия, сидел и жадно впитывал эту обыденность, потому что она была частью ее.

- Ты сегодня работала? - спросил я, чтобы сказать что-то.

- Да. Статью дописывала. Тот самый спор с Петровичем вдохновил. Получилось зло, - она усмехнулась, и в уголках ее глаз собрались мелкие морщинки. - Надеюсь, он не читает «Артхронник».

- Прочтет - инфаркт будет. Ты же его публично казнила, а теперь еще и в печать пустила.

- Так ему и надо, - она бросила кожуру от банана в мусорное ведро. - За бессмысленные инсталляции.

Мы помолчали. Она стояла у раковины, спина прямая, плечи немного опущены от усталости. Я видел ту самую ло-

патку, и на ней все так же явственно проступал синеватый след. Мое творение. Мне снова захотелось прикоснуться к этому месту, но уже не со страстью, а с каким-то странным, почти нежным любопытством.

- Останешься? - вдруг спросила она, не глядя на меня, выливая в раковину остатки кефира. Голос был ровным, но в нем, мне показалось, промелькнула тень неуверенности. Она не смотрела на меня, давая мне пространство для ответа и себе - для маневра в случае отказа.

- Да, - ответил я без колебаний.

С этого все и началось. Я остался. И на следующий день. И через день. Моя просторная квартира в центре, с дизайнерским ремонтом, оказалась заброшена. Она казалась мне вдруг бездушной, как выставочный образец, а не жилое пространство. Я жил у нее. В этой тесной, заваленной книгами квартирке с чашками с зайчиками, с духовитым кофе, который она варила крепче моего, и с постоянным легким беспорядком, который почему-то не раздражал, а, наоборот, успокаивал. Здесь была жизнь. Настоящая, не прибранная для посторонних глаз.

Через неделю я привез свою зубную щетку. Потом бритву. Потом мешок с одеждой. Мои вещи начали медленную, но уверенную экспансию. Мой черный свитер лежал на ее стуле, как страж. Мои чертежи и кальки заняли ее обеденный стол, вытеснив стопку свежих журналов. Мои туалетные принадлежности выстроились в ряд с ее флакончиками на полке в

ванной. Мой запах - запах другого мыла, другого дезодоранта - смешался с ее цветочными духами, создавая новый, общий, уникальный аромат этого пространства. Наш аромат.

Мы не говорили о том, что происходит. Не было никаких разговоров о чувствах, о будущем, о статусе. Просто так вышло. Я приходил с работы, а она была дома. Иногда она готовила, ужасно, пересаливая пасту или недожаривая рыбу до состояния резины. Я ел это, делая вид, что все в порядке, а она потом сама морщилась и говорила: «Ладно, выбрось, это несъедобно». Иногда мы заказывали еду, раскинувшись на полу в гостиной, и спорили о достоинствах разных кухонь. Мы смотрели фильмы, и наши споры о режиссерском замысле или игре актеров часто были громче самого фильма и заканчивались тем, что кто-то из нас выключал ноутбук со словами: «Смотреть это невозможно!» А потом мы все равно досматривали, потому что вторую половину фильма нужно было оспорить еще яростнее. Мы занимались сексом в самых разных, порой неожиданных местах ее квартиры: на кухонном полу среди крошек от утреннего тоста, в тесной ванной, обливаясь водой из душа, прижавшись к косяку двери в прихожей, торопливо и жадно, как будто украдкой. Это было ненасытное, жадное изучение друг друга не только в страсти, но и в быту, в слабостях, в утреннем раздражении и вечерней усталости.

Как-то раз, вернувшись поздно с делового ужина, я застал ее спящей на диване, с ноутбуком на коленях. На экране за-

стыл текст ее новой статьи, курсор мигал на полуслове. Я бережно вынул ноутбук, отложил его, накрыл ее пледом, который всегда лежал на спинке дивана. И сел рядом, в кресле, просто глядя на нее. На ее расслабленное лицо, на темные ресницы, отбрасывавшие тени на щеки, на легкую гримасу не то сна, не то сосредоточенности, даже во сне не покидавшую ее. И поймал себя на мысли, которую никогда раньше не допускал, от которой всегда отмахивался как от сентиментальной чуши. Мысль была проста, пугающе естественна и неопровержима: «Вот где мое место». В этой творческой тесноте, среди стопок ее книг и разбросанных моих чертежей, под тихие звуки ее ровного дыхания и далекого гула ночного города за окном.

Она что-то пробормотала во сне, неразборчивое, и повернулась, прижавшись лицом к моей руке, лежавшей на подлокотнике кресла. Ее губы, теплые и мягкие, обожгли кожу. Я не двигался, затаив дыхание, боясь спугнуть это ощущение. Казалось, я нашел недостающий, ключевой элемент в сложном, многолетнем чертеже своей жизни. Элемент, без которого вся конструкция была нестабильна, условна, временна. А с ним все вдруг обрело глубину, смысл и ту самую устойчивость, которую я всегда искал в архитектуре. Я не знал, надолго ли это. Не знал, что будет завтра, через месяц, через год. Эта неопределенность раньше вызывала бы во мне тревогу. Сейчас она казалась единственно возможным условием. Но сейчас, в этот тихий ночной момент, под ее дыхание

и стук моего собственного сердца, это было все, что имело значение. Все, что было нужно.

Глава 4

Мария

Эйфория вихря постепенно начала рассеиваться, уступая место привыканию. А с привыканием пришли и первые, едва заметные трещинки. Они были тонкими, как паутинка, но я чувствовала их кожей. Особенно по утрам, когда просыпалась и видела его спящее лицо на соседней подушке. Он был здесь. Стас. Его вещи заполонили мою некогда уединенную берлогу. Его дорогие костюмы висели рядом с моими платьями в шкафу, его мощный ноутбук громоздился на моем старом, потертом столе. Сначала это казалось милым. Игра в семью. Но игра подразумевает конец, а он, похоже, не собирался уходить. И я не хотела, чтобы он уходил. Но... Я начала замечать детали. Он чистил зубы слишком громко. На столе после его завтрака всегда оставались крошки. Он не ставил книги на место, а клал их туда, где читал, и они обрастали стопками, как коралловые рифы на моем паркете. Казалось бы, мелочи. Но из них, как из кристаллов, медленно прорастала структура нашей общей жизни, и я не всегда понимала, нравится мне ее архитектура или нет.

Я проснулась от звука смс. Он лежал рядом, раскинувшись поперек моей кровати. Аккуратно выбралась из-под его тяжелой руки, накинула халат и пошла на кухню. На моем телефоне было сообщение от редактора: «Маш, когда

ждать статью? Уже неделю прошло после дедлайна».

Я вздохнула, поставила чайник. Статья не писалась. Со всем. Мысли разбегались, цеплялись за него, за наши споры, за его руки, за его улыбку, которая становилась все более родной и все более раздражающей одновременно. Я открыла холодильник, достала сок. На полке лежала его пачка дорогого итальянского прошутто, завернутая в пергамент. Рядом - мой простой творог в пластиковом стаканчике. Две разные вселенные на одной полке. Я закрыла дверцу и облокотилась о столешницу, чувствуя, как тревога, холодная и липкая, подползает к горлу. Мой мир, такой четкий и ясный до него, начинал плыть, терять контуры. График, дедлайны, вечерние посиделки с подругами за разговором о высоком - все это ушло на второй план, заместилось его расписанием, его ужинами, его потребностью в тишине после работы, когда он, откинувшись на диване, листал проекты на планшете, а я сидела рядом, пытаюсь сформулировать мысль для текста и не решаясь включить музыку, чтобы не мешать.

- Ты чего встала? - его хриплый с утра голос заставил меня вздрогнуть. Он стоял в дверях кухни, в одних боксерах, потирая ладонью лицо. Волосы были взъерошены, и в этом образе - сильный, немного неуклюжий, только что покинувший мою постель - он был невероятно притягателен. И от этого стало еще больнее слышать то, что прозвучало дальше.

- Смс пришло. По работе.

- В шесть утра? - он подошел, обнял меня сзади, прижал к себе. Его тело было теплым, сонным, пахнущим мной и сном. - Выбрось этот дурацкий фриланс. Нервы одни. Смотри, не высыпaeшьcя даже.

Я напряглась. Для него моя работа - «дурацкий фриланс». Словечко, брошенное, кажется, невзначай. Но в нем - вся его система координат. Для него работа - это проекты, контракты, офисы, командировки. Что-то осязаемое, измеримое в деньгах и квадратных метрах. Для меня - попытка состоятьcя в профессии, которую я выбрала, тонкая материя слов и смыслов, борьба с собственным перфекционизмом и не всегда справедливой критикой. Это была не просто работа. Это была часть моей идентичности. И он этого не видел. Или не хотел видеть.

- Это моя работа, Стас, - сказала я, и голос прозвучал резче, чем я планировала.

- Я знаю, - он поцеловал меня в шею, явно не уловив нотки раздражения. - Но ты же не собираeшьcя всю жизнь за копейки сидеть над этими текстами? Вечно на телефоне с какими-то нервными редакторами?

- Это не копейки, - возразила я, вырываясь из его объятий, чтобы посмотреть ему в лицо. - И это то, что я люблю. Что дает мне ощущение, что я не просто так существую.

Он посмотрел на меня с легким недоумением, как на ребенка, который упрямитcя из принципа, не понимая очевидных вещей. Это выражение резануло меня больше любых

слов.

- Ладно, ладно, не кипятись, - он отмахнулся, поворачиваясь к холодильнику. - Хочешь, познакомлю с людьми из крупного издательства? Сделают тебя штатным обозревателем. Будешь получать стабильно, не париться с дедлайнами. Все цивильно.

Вот так. Все его решения, вся его философия упиралась в деньги, связи и это пресловутое «цивильно». Он искренне хотел помочь, как умел. Решить проблему наиболее эффективным, с его точки зрения, способом. Он не понимал, что я хочу пробиться сама, что для меня важен не только результат в виде зарплаты и стабильности, но и процесс, и право на собственный путь, даже если он тернист. Что я боюсь потерять свой голос в уютной клетке гарантированного оклада. Ему казалось, он протягивает руку. А я чувствовала, что меня тянут в его мир, на его условиях, стирая мои границы.

- Не надо, - сухо ответила я, отворачиваясь к окну, за которым медленно светало. - Я сама.

Он пожал плечами, как бы говоря «твои проблемы», и открыл холодильник в поисках сока. Звук хлопающей дверцы прозвучал как точка в этом разговоре. Не точка, а скорее многоточие, за которым висело невысказанное напряжение.

Этот утренний разговор оставил неприятный, кислый осадок. Тень. Небольшую, но тень, которая легла на весь день. Она стала длиннее, холоднее к вечеру. У меня был сложный, вымотанный день. Статья не клеилась, слова казались плос-

кими и фальшивыми. Редактор звонил дважды, нервничал, его тон становился все более укоризненным. Я сидела перед пустым документом, и в голове вместо мыслей об искусстве крутились обрывки утреннего диалога: «дурацкий фриланс», «копейки», «не кипятись». Я ждала Стаса, мне отчаянно хотелось выговориться, пожаловаться, услышать не формальное «не обращай внимания», а настоящее участие. Чтобы он обнял, посмотрел в глаза и сказал что-то вроде: «Да, это тяжело. Я понимаю. Ты справишься». Просто понял. Без советов, без решений, просто понял.

Он пришел поздно, за полночь. Я услышала звук ключа в замке (он уже давно сделал себе дубликат), и сердце екнуло - то ли от облегчения, то ли от новой тревоги. Он вошел, скидывая пальто, и по его лицу, по широкой, уставшей, но довольной улыбке было видно - его день прошел блестяще. Он светился изнутри энергией свершения.

- Все, - объявил он, еще с порога, - закрыли контракт с немцами. Проект будет грандиозный. Башня в центре. Выпьем за это?

Он направился к бару, не глядя на меня, на мое, должно быть, потерянное лицо.

- У меня был ужасный день, - начала я тихо, все еще сидя на диване, поджав ноги. - Эта статья... меня просто в ступор вогнала. Редактор...

- Забудь, - он махнул рукой, наливая себе виски, не пред-

лагая мне. - Нечего из-за такой ерунды портить себе настроение. Смотри, что я тебе привез. Чтобы поднимало.

Он достал из внутреннего кармана пиджака, висевшего на стуле, маленькую бархатную коробочку темно-синего цвета. В ней, на черном бархате, лежали изящные, почти невесомые серьги-пусеты с сапфирами. Камни были небольшие, но идеальной воды, обрамленные тончайшим белым золотом. Очень дорогие. Безвкусыми их было не назвать, они были прекрасны в своей сдержанной роскоши.

- Чтобы поднимало настроение, - повторил он, улыбаясь, и протянул коробку.

Мои пальцы сами взяли ее. Я открыла крышку. Сапфиры холодно блестели в свете торшера. Они были прекрасны. Но в тот момент они были не тем. Они были заменой. Суррогатом внимания и участия. Дорогой пластырь, наклеенный на кровоточащую рану моего профессионального бессилия и одиночества. Он откупался. Решал мои «проблемы» красивым, материальным жестом, не потрудившись даже вникнуть в их суть, даже спросить: «А что случилось?». Он принес трофей со своего поля боя и положил к моим ногам, ожидая, что я забуду о своей маленькой, проигранной битве.

- Спасибо, - тихо сказала я, закрывая коробку. Голос звучал плоско, безжизненно. - Они красивые.

- Конечно, красивые, - он потрепал меня по волосам, как ребенка, и сделал глоток виски. - Ну что, расскажешь теперь про свой ужасный день? Или уже все прошло?

Но момент уже был безвозвратно упущен. Желание делиться, открываться, быть уязвимой - исчезло. Оно было задушено тяжестью этих холодных, совершенных сапфиров. Он дал мне то, что считал нужным, и теперь формально исполнил долг внимательного партнера. Теперь можно переходить к другим темам. К его победе.

- Да ничего особенного, - ответила я, откладывая коробку на журнальный столик, подальше от себя. - Устала просто.

Он не стал настаивать. Он был счастлив, опьянен своим контрактом, и мои мелкие, «ерундовые» проблемы его сейчас не волновали по-настоящему. Он включил большой телевизор, начал смотреть новости, комментируя какие-то экономические сводки. Его голос, уверенный, наполненный знанием дела, заполнил комнату.

Я сидела рядом, поджав под себя ноги, и смотрела не на экран, а на его профиль. Он был здесь, в моей квартире, в двух шагах от меня, физически близкий, как никогда. Его рука лежала на моем колене, большой палец автоматически водил по ткани моего халата. Но в какой-то момент, сегодня утром или вот только что, он куда-то удалился. Его карьера, его грандиозные проекты, его мир деловых обедов, переговоров и расчетов - все это требовало от него все больше времени, энергии, самой его сути. А мой мир, мои творческие муки, мои сомнения, моя тихая, кропотливая работа со словами - все это становилось просто фоном, легким, почти незаметным шумом, который можно и нужно заглушить

дорогим, блестящим подарком. «Чтобы поднимало настроение». Как таблетка.

Я чувствовала одиночество. Острое, парадоксальное, ледящее одиночество вдвоем. Оно было в тысячу раз хуже, чем когда я была одна. Потому что тогда не было никого, от кого ждешь понимания, поддержки, настоящего контакта. А сейчас он был здесь, плоть от плоти, но между нами медленно, неумолимо, как ночной туман, вырастала невидимая плотная стена. С одной стороны - его успех, его прагматизм, его желание обустроить и меня по своему образцу. С другой - моя растерянность, моя упрямая, может быть, глупая гордость и страх раствориться. Я смотрела на коробочку с серьгами, и они казались мне не украшением, а первым камнем в фундаменте этой стены. И я боялась, что скоро она станет такой высокой и прочной, что я перестану его видеть. А он - меня. И мы останемся каждый по свою сторону, лишь изредка перебрасывая через верх дорогие, но бессмысленные подарки.

Глава 5

Стас

Это случилось после одной из наших ночей. Не самой страстной, не самой нежной, а какой-то... особенной. Мы легли спать, слегка поругавшись из-за какой-то ерунды - она хотела поехать на выходные в Питер, на выставку молодого художника, ее старого знакомого, а у меня была важная, неотложная встреча в субботу с инвестором из Арабских Эмиратов. Вроде бы и не ссора даже, а так, легкое напряжение, как туман, затянувший горизонт нашего вечера. Мы лежали спиной к спине, каждый в своем обиженном странстве. А потом я проснулся от того, что она ворочается. Повернулся, хотел что-то сказать, какое-то грубое, сонное «успокойся», но в полумраке, прорезаемом только отблесками уличного фонаря, я увидел, что она не спит. Она смотрела на меня. Ее карие глаза были огромными, почти черными, и в них не было ни злости, ни упрека за отмененную поездку. Была какая-то глубокая, бездонная грусть и вопрос, который висел в воздухе между нами уже несколько недель, но мы оба делали вид, что не замечаем его.

- Что будет с нами, Стас? - тихо спросила она.

И в этом вопросе было все. Вся ее неуверенность, все мои невысказанные обещания, которые мы замазывали сексом,

спорами, подарками и будничным совместным бытом. Этот вопрос разом вскрыл нарыв, и стало больно и страшно.

Я и сам не знал ответа - просто потянул ее к себе. Она не сопротивлялась. Просто позволила себя притянуть, как разрешают потоку нести себя. Мы занялись любовью. Была какая-то отчаянная нежность, попытка через тела достучаться до сути, найти друг друга в этом тревожном тумане. Глядя на ее лицо, искаженное наслаждением я и поймал себя на мысли - что не хочу этого терять. Не хочу просыпаться в своей пустой, идеальной квартире и знать, что она где-то там, в своем мире, без меня. Не хочу, чтобы этот вопрос повторился. Нужно было что-то сделать. Что-то грандиозное, однозначное, что раз и навсегда снимет все сомнения. И ее, и мои. Я хотел просыпаться с ней рядом. Всегда. Сделать это состояние постоянным, легальным, незабываемым.

Мысль была импульсивной, иррациональной, как вспышка. Но именно такой, как все, что было связано с ней с самого начала. Искра на вернисаже. Вихрь первых недель. И теперь - предложение. Это казалось логичным завершением, кульминацией. Я, архитектор, привыкший все упорядочивать, поставил в мыслях жирную точку: брак. Это решит все. Придаст нашему союзу форму, статус, вес. Успокоит ее. Обязет меня. Свяжет нас прочнее, чем любые слова и чувства, которые так изменчивы.

Утром, пока она еще спала, я вышел из дома, сел в машину и поехал в ювелирный магазин. Я никогда не думал о браке

всерьез. Казалось, это кандалы для слабых, формальность, убивающая все живое, спонтанное, настоящее. Бумажка. Но сейчас это виделось единственным, самым надежным способом закрепить то хрупкое, невероятное, что было между нами. Поставить печать. Сделать ее своей окончательно и бесповоротно. Чтобы этот вопрос в ее глазах больше никогда не возникал. Чтобы она знала.

В магазине я выбрал кольцо. Консультант выложил несколько моделей. Мое внимание сразу привлекло одно - солидное, с крупным овальным бриллиантом в классической шестигранной оправе из платины. Никаких завитушек. Мощно. Дорого. Статусно. Вполне в моем стиле - ничего лишнего, только суть, только ценность. Я даже не стал рассматривать более изящные, винтажные или необычные модели.

Продавец спросила размер. Я растерялся. Не знал. Никогда не обращал внимания на ее пальцы. Я целовал ее руки, держал их, но толщину, размер... это было вне моего поля зрения. В голове мелькнуло, холодной иглой: «Плохой знак. Ты не знаешь ее так хорошо, как думаешь». Но я тут же отогнал эту мысль. Ерунда. Главное - намерение. Кольцо всегда можно подогнать.

- Она... примерно вашего размера, - неуверенно сказал я продавщице, указывая на ее тонкие, изящные пальцы с коротко подстриженными ногтями.

Она кивнула, без тени улыбки, и принесла измерительное

кольцо. Мы подобрали что-то среднее. Я заплатил картой, не глядя на чек. Бумажный пакет с бархатной коробочкой внутри казался непропорционально легким для такого шага. Я положил его во внутренний карман пиджака. Теперь оно лежало там, как граната с выдернутой чекой.

Весь день я ходил и физически чувствовал его вес. На важной встрече с заказчиком, обсуждая миллионные бюджеты, я ловил себя на том, что левой рукой постоянно касаюсь пиджака в районе груди, проверяя, на месте ли оно. Мысли путались. Я представлял ее лицо. Но гнал и эти картинки. Все будет хорошо. Это нужно.

Вернулся я поздно, уже стемнело. Мария сидела на диване, поджав под себя ноги, с ноутбуком на коленях, и что-то печатала. Свет настольной лампы выхватывал ее сосредоточенный профиль, тень от ресниц падала на щеку. Увидев меня, она оторвалась от экрана и улыбнулась устало, беззвучно. Эта обыденная, домашняя картина почему-то вдруг жала мне сердце. Именно это я и хотел сохранить. Навсегда.

- Как день? - спросила она, откладывая ноутбук в сторону.

- Продуктивный, - ответил я, снимая пиджак, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Сердце стучало где-то в горле, в висках, отдаваясь глухим гулом в ушах. Я не планировал делать это сегодня. Не было никакого романтического ужина, цветов, особой атмосферы. Но откладывать не было сил.

Я подошел к дивану, встал перед ней на одно колено. Ее глаза расширились, пальцы, только что лежавшие на клави-

атуре, замерли в воздухе.

- Мария, - начал я, и голос мой прозвучал чужим, натянутым, как плохо настроенная струна. Я достал коробку, открыл ее одним резким движением. Бриллиант холодно, ослепительно сверкнул под резким светом лампы, бросив на потолок радужные зайчики. - Выходи за меня.

Она смотрела то на кольцо, то на мое лицо, то снова на кольцо. В ее глазах не было восторга, нетерпения, слез счастья, которые показывают в фильмах. Полнейший, оглушающий шок. И та самая бездонная глубина, которую я видел прошлой ночью, только теперь она стала еще глубже, темнее.

- Стас... - прошептала она, и ее голос сорвался. - Это... так внезапно. Почему?

- Нет, - резко возразил я, как будто ее вопрос был попыткой отступить, и этого нельзя было допустить. - Это единственно возможное. Логичное. Мы должны быть вместе. Всегда. Я не хочу никаких неопределенностей.

Я произносил это, веря в каждое слово, но звучало это как заученная речь, как бизнес-предложение о слиянии активов. «Логичное». «Должны». «Неопределенности».

Она молчала. И эта пауза затягивалась, становясь невыносимой, звенящей. Я видел, как работает ее мозг, видела смену эмоций на лице: шок, растерянность, замешательство, попытку что-то осмыслить. В ее молчании был крик. Но я не хотел его слышать. Я хотел только одного - слова «да».

- Ты уверен? - наконец спросила она, глядя прямо мне

в глаза, пытаюсь докопаться до сути, до истинных мотивов, спрятанных за этим блестящим камнем. - Уверен, что это то, чего ты хочешь? Что это нужно нам?

- Ни в чем в жизни не был так уверен, - сказал я, и в тот момент это была чистая правда. Я был уверен в своем решении, в своем порыве, в своем желании все зафиксировать. Я был уверен, что не могу ее потерять. А нужно ли это нам... этим вопросом я просто не задавался.

Она медленно, будто через силу, кивнула. Не сказала «да». Кивнула. Потом, словно во сне, протянула руку. Я, с облегчением, пронесшимся по всему телу, снял кольцо с бархатной подушечки. Взял ее тонкие, холодные пальцы и надел кольцо на безымянный. Оно скользнуло легко, слишком легко, и ужасно, неправильно свободно заболталось на пальце. Оно было велико. На размер, а может, и на полтора. Мы оба замерли и смотрели на это: на огромный, чужеродный камень, болтающийся на ее хрупкой руке. Зрелище было нелепым и пронзительно грустным.

- Ничего, - быстро, почти испуганно сказал я, хватая ее руку, как будто боясь, что она сейчас снимет кольцо и отдаст его обратно. - Ничего страшного. Завтра же отнесем, уменьшим. Подгоним. Будет идеально.

Она снова кивнула, все так же медленно, потом подняла на меня взгляд. Она улыбнулась дрожащей, вымученной улыбкой, которая больше походила на гримасу боли.

- Да, - тихо, едва слышно выдохнула она. - Выхожу.

Я обнял ее, прижал к себе со всей силой, чувствуя, как бьется ее сердце. Оно билось часто-часто, неровно, как пойманная птичка в клетке. Я целовал ее волосы, ее шею, ее лоб, говоря ей что-то, какие-то нежные, глупые слова, которые сам никогда раньше не произносил и которые сейчас лились рекой, пытаясь заполнить эту зияющую пустоту неловкости, которая возникла между нами. Я был счастлив. Счастлив и слеп. Я видел только оголенный факт: она сказала «да». Я зафиксировал момент. Поставил галочку. Я не видел сомнения, застывшего в уголках ее губ. Не чувствовал, что ее «да» было больше похоже на «ладно», на «боюсь сказать нет». Я не понимал, что кольцо, которое не подошло по размеру с первой же секунды, было идеальной, кричащей метафорой всего нашего союза - дорогого, блестящего, но не подогнанного, не учитывающего тонкую архитектуру ее души. Я был счастлив, что поймал и закрепил бабочку. Не думая о том, что она, возможно, еще жива и что булавка, пронзившая ее, - это не сохранение красоты, а убийство.

Глава 6

Мария

Свадьба была роскошной. Все было продумано до мелочей, как один из его проектов, где важно безупречное исполнение. Ресторан в центре, в старинном особняке с колоннами. Живая музыка игравший что-то из Вивальди. Горные массивы белых орхидей и роз, превратившие зал в ботанический сад для избранных. Изысканное меню с аннотациями на трех языках. Гости - важные, улыбающиеся, правильные. Деловые партнеры Стаса в безукоризненных костюмах, их жены в нарядах не менее дорогих, чем мое платье. Мои родители, скромные университетские преподаватели, сияли и одновременно смущенно терялись в этой блестящей толпе. Его мать - элегантная, холодноватая женщина с идеальной сединой - смотрела на все с одобрительной, но усталой снисходительностью, будто наблюдала за давно ожидаемым, но не слишком интересным спектаклем. Я стояла в центре этого великолепия в платье от кутюр, которое стоило как год моей работы, и чувствовала себя актрисой, играющей главную роль на чужой свадьбе. В роскошных атласных складках, с бриллиантовой тиарой в волосах (подарок свекрови, «чтобы было как у принцессы») я была идеальным элементом декора, завершающим образ успешного мужчины.

Кольцо, уменьшенное до безупречного размера, давило на

палец, как хомут. Я ловила себя на том, что постоянно его проворачиваю, как бы проверяя, не снялось ли оно, не освободился ли палец. Оно было тяжелым. Не только физически - каждый его грамм напоминал о том вымученном «да», о его слишком широкой улыбке в тот вечер, о болтающемся на пальце камне. «Поздравляю, Стас! Мария, вы великолепны!» - слышала я со всех сторон. Compliments платью, внешности, выбору ресторана. Никто не сказал: «Вы выглядите счастливой». Я улыбалась, кивала, благодарила, машинально отыскивая в глазах собеседников тень понимания, но видели там только отражение собственного благополучия или легкую зависть. Мы с Стасом держались за руки. Его ладонь была твердой, уверенной, немного влажной. Он был счастлив. Я видела это по его глазам, по его широкой, победоносной улыбке, не сходявшей с лица. Он достиг цели. Он закрепил успех. Еще один важный контракт подписан, еще один актив приобретен. Сегодня он был не просто успешным архитектором, а главным героем, триумфатором. И я была его самой ценной, самой красивой наградой.

Когда объявили наш первый танец, он обнял меня, и мы закружились под медленную, нежную мелодию, которую он сам выбрал. Он притянул меня близко, грудь к груди, его губы коснулись моего виска в поцелуе, который увидели все гости и одобрительно заахали.

- Ну вот, - прошептал он, и его дыхание обожгло кожу. - Все официально. Ты моя жена.

В его голосе было безудержное торжество. И что-то еще... плоское, окончательное собственничество. От этого слова «моя», произнесенного с таким удовлетворением, по спине пробежал холодок. Не «мы женаты». Не «мы теперь семья». А «ты моя жена». Как «моя машина», «моя квартира», «мой проект». Я стала частью его портфолио.

- Да, - выдохнула я, прижимаясь щекой к грубой ткани его фрака, чтобы скрыть лицо. - Официально.

Я пыталась поймать хоть крупицу того безумного чувства, что было вначале. Той искры, что высекалась в споре, того вихря, что закрутил и сломал мою привычную жизнь. Но ее не было. Она растворилась в этом выверенном до секунд расписании дня, в смете на цветы, в бесконечных обсуждениях меню. Была только красивая, глянцевая картинка, идеально выстроенная им. И моя оглушающая внутренняя опустошенность, замаскированная тоннами косметики и улыбкой. Я исполняла долг. Долг перед ним, перед родителями, радовавшимися «удачному замужеству», перед всеми этими людьми, которые пришли посмотреть на шоу. Долг быть счастливой невестой в самой правильной из возможных сказок.

Позже, когда мы уезжали под дождем из риса и смешанные крики гостей, я сидела в нанятом лимузине и смотрела на свое отражение в тонированном стекле. На меня смотрела незнакомка с идеальной, неподвижной прической, в ослепительно белом платье и с огромным бриллиантом на пальце.

Куда делась та девушка, что спорила с галеристом в дымном, прокуренном лофте, сверкая глазами от ярости и азарта? Та, что занималась жадным, неловким, по-звериному откровенным сексом в своей заваленной книгами и одеждой квартире, не боясь показаться смешной или некрасивой? Она казалась такой далекой, почти призрачной, как будто ее никогда и не было. А может, ее и правда не было? Может, это была всего лишь роль для него, которую я наиграла слишком убедительно, а теперь пришло время для новой - роли жены.

Мы остановились у роскошного пятизвездочного отеля в самом центре. Номер-люкс на верхнем этаже. Лепестки алых роз, выложенные сердечком на ослепительно белых простынях. Шампанское в серебряном ведре, две хрустальные фужера. Ароматические свечи. Все как в самом банальном ромке, но исполненное с безупречным, бездушным шиком. Стас скинул фрак, ослабил галстук, он казался расслабленным и довольным, как после удачно завершенной сделки.

- Наконец-то одни, - сказал он, подходя ко мне, все еще в своем пышном облаке из тюля и атласа. - Самое время начать наш медовый месяц, миссис...

Он не договорил, потому что я вздрогнула, буквально дернулась всем телом, когда его пальцы коснулись молнии на моей спине. Миссис... Моя новая фамилия, которая звучала чуждо и тяжело. Еще один чужой ярлык, наклеенный поверх моего «я». Я машинально отшатнулась.

- Давай я сама, - тихо, но отчетливо попросила я, отводя

его руку.

Он замер, его взгляд стал пристальным, изучающим, в нем промелькнула тень раздражения, быстро смененная заботой.

- Что-то не так, Маша? Устала? Шампанского?

- Нет. Все прекрасно. Просто я... я сама. Дай мне минуту.

Он не стал настаивать, пожав плечами, но его брови слегка сдвинулись. Он отвернулся, наливая себе шампанское, давая мне пространство, которое я выпросила, но которое уже стало дистанцией. Я пошла в громадную ванную комнату из белого мрамора, долго стояла под мощными струями душа, пытаюсь смыть с себя лак для волос, макияж, въевшийся запах чужих духов, хлопушек и чувство глубокой, всепроникающей фальши. Вода была обжигающей, но внутри оставался холод. Когда я вышла, завернувшись в огромный, пушистый банный халат отеля, в спальне был приглушенный, теплый свет. Свечи горели, создавая уютные тени. Стас ждал меня в кровати, обнаженный по пояс, с бокалом в руке. Он улыбнулся.

Он был нежен. Слишком нежен, слишком осознанно, слишком правильно. Он снял с меня халат, как будто разворачивал драгоценный, хрупкий подарок, боясь повредить упаковку. Его губы скользили по моей коже, целуя плечи, ключицы, грудь, но в этих поцелуях не было прежней жадности, того желания поглотить. Его руки ласкали меня так, как будто он следовал некоей внутренней инструкции «как следует обращаться с новобрачной». Это была красивая, отто-

ченная, предсказуемая страсть. Совершенно не похожая на ту, дикую, хаотичную и жадную, что рождалась между нами вначале, когда мы срывали с друг друга одежду, спотыкаясь о мебель.

Я закрыла глаза, изо всех сил пытаюсь вызвать в памяти те ощущения. Вспомнить запах его кожи, смешанный с запахом моих старых книг и кофе. Звук опрокидывающейся тумбочки в моей спальне. Его хриплый, сдавленный шепот у самого уха: «Молчи, просто чувствуй». Его пальцы, впивающиеся в мои бедра. Но здесь, в этой роскоши, все было тихо, чисто, правильно и... безжизненно. Даже его стоны, когда он вошел в меня, были какими-то приглушенными, будто он боялся нарушить торжественность момента или потревожить соседей. Не было того дикого, рычащего звука, вырывавшегося из его груди раньше.

Его движения были размеренными, ритмичными, выверенными, как движения хорошо отлаженного механизма. Я обняла его за спину, пытаюсь ответить, найти в себе отклик, но мое тело было деревянным, чужим. Оно выполняло программу, заложенную природой и ожиданиями общества. Я делала все, что должна была делать новобрачная в первую брачную ночь: обнимала, прикасалась, принимала.

Я издавала тихие, похожие на вздохи звуки, целовала его в мокрое от пота плечо, двигалась ему навстречу ровно настолько, чтобы это не выглядело полной пассивностью. Но внутри была пустота и острая, режущая мысль: «Я играю. Он

играет. Мы оба играем в любовь». Это был спектакль. Красивый, страстный, безупречно поставленный спектакль для нас самих, но мы оба уже не верили в свою роль.

В какой-то момент, когда волна наслаждения накатила и отступила, я открыла глаза и увидела нашу с ним тень на стене, отбрасываемую мерцающими свечами - два силуэта, слившихся в одном ритмичном, почти механическом движении. И это зрелище было похоже на красивую, но абсолютно бездушную инсталляцию. Именно ту, против которой я так яростно, так искренне спорила когда-то с Петровичем. Бессмысленную форму, лишенную внутреннего содержания. Ирония ситуации была настолько горькой, что у меня в горле встал ком.

Он кончил с тихим, сдержанным стоном, зарывшись лицом в мою шею. Потом перекатился на спину, запыхавшись, и несколько минут лежал молча, глядя в потолок с зеркальным покрытием, где отражались наши тела.

- Это было прекрасно, - прошептал он наконец, и в его голосе прозвучало удовлетворение человека, поставившего галочку в очередном пункте плана.

- Да, - безжизненно ответила я, поворачиваясь к нему спиной и подтягивая одеяло к подбородку, делая вид, что хочу спать. - Прекрасно.

Он обнял меня сзади, его рука легла привычным жестом на мой живот. Его дыхание скоро стало ровным и глубоким. Я лежала с открытыми глазами, глядя в полумрак, на очер-

тания незнакомой, безупречной мебели. На пальце неумолимо давило кольцо, напоминая о своем присутствии при каждом движении руки. Я была его женой. Все было официально, закреплено печатью в паспорте и этим куском отполированного углерода. И я никогда в жизни не чувствовала себя такой потерянной, такой чужой в собственной шкуре и такой невыразимо одинокой. Это была не наша брачная ночь. Это был просто еще один, завершающий пункт в его грандиозном плане под названием «Женитьба». Ритуал, который нужно было исполнить для полноты картины. И я его исполнила. И теперь, в тишине этой роскошной клетки, оставалось только гадать, что будет дальше, когда спектакль закончится и нужно будет просто жить.

Глава 7

Стас

Италия встретила нас ласковым, уже не летним, но еще по южному теплым солнцем. Вилла на окраине Сиены была именно такой, как я заказывал по рекомендации консьержа: старинное каменное здание, утопающее в оливковых деревьях и стройных, темных кипарисах, с террасой, открывающей вид на бескрайние, волнующиеся, как море, тосканские холмы. Воздух пах нагретой солнцем травой, пылью и сладковатым дымком отдаленного камина. Идиллия, вырезанная из глянцевого журнала. Внешне - абсолютная, безупречная, дорогая. Как и все в моей жизни теперь.

Мы завтракали на террасе под неумолчное, гипнотическое пение цикад, обедаясь местными сырами, сочным инжиром, ветчиной прошутто и теплыми круассанами. Я наблюдал, как Мария намазывает мед на хлеб, и ловил себя на мысли, что даже ее движения здесь, на фоне этой картинке, казались более изящными, замедленными, словно она тоже пыталась соответствовать пейзажу. Мы бродили по узким, вымощенным булыжником, петляющим, как лабиринт, улочкам Сиены, и я с наслаждением наблюдал, как она жмурится от щедрого, почти осязаемого солнца, подставив ему лицо, как цветок. Ее темные, распущенные волосы отливали медью и золотом, а карие глаза казались еще глубже и ярче на фоне

выцветших охристых стен старых палаццо. Она много фотографировала на свой старый, потертый айфон - не селфи на фоне достопримечательностей, а детали, которые замечала только она: потрескавшуюся дверную ручку в виде львиной головы с грустными глазами; упитанную рыжую кошку, спящую калачиком на солнечном подоконнике в тени ставни; развешенное для просушки пестрое белье на веревке между двумя домами, трепещущее на легком ветру. В такие моменты, сосредоточенная и увлеченная, она напоминала мне ту самую, первую девушку из лофта - любопытную, острую, видящую мир под своим, особенным, не туристическим углом. И в эти секунды что-то внутри меня смягчалось, таяло, и я верил, что все идет правильно.

Мы заходили в полутемные, прохладные маленькие церкви, пахнувшие ладаном, старым деревом и камнем. Она подолгу стояла перед потускневшими фресками Треченто, вглядываясь в лики святых и сцены страстей, а я стоял чуть позади и смотрел не на искусство, а на нее. На тонкую линию ее шеи, на ресницы, отбрасывающие тень на щеки, на ее абсолютную, поглощенную вниманием неподвижность. И я чувствовал прилив чего-то теплого, влажного и щемящего, чего-то очень похожего на то самое, настоящее счастье, которое я и пытался поймать и удержать, организовав эту поездку. По вечерам мы ужинали в тесных, шумных, уютных trattoriaх, где висели связки чеснока и в углу болтался телеви-

зор, запивая безупречную пасту молодым, терпким кьянти, и она смеялась, рассказывая о каких-то забавных, нелепых случаях из своей редакционной практики, о чудаковатых художниках и напыщенных критиках. В эти минуты, при свете свечи в плетеной бутылке, все было именно так, как я и задумывал, как в том самом красивом, лишенном сучка и задоринки кино, которое должно было стать нашей жизнью.

Но пленка этого кино, тонкая и ненадежная, начала рваться на третий день. Сперва почти незаметно. Позвонил мобильный, нарушив утреннюю тишину, наполненную только пением птиц. Это был мой заместитель, Сергей. Его голос, напряженный и деловой, вырвал меня из идиллии. Проблема с согласованием ключевого этапа немецкого проекта. Что-то пошло не так с местными властями в Подмоскowie, какая-то неожиданная претензия по экологической экспертизе, требовалось мое немедленное, личное вмешательство, серия срочных переговоров по скайпу с нашей командой и с немецкой стороной.

Первый разговор я провел утром, пока Маша еще спала, укутавшись в легкую простыню. Я вышел на террасу, босиком, в одних шортах, чтобы не будить ее. Час яростного, нервного спора на ломаном английском и немецком, попыток успокоить инвесторов и придумать план действий на расстоянии. Солнце уже припекало, но меня било от внутреннего озноба раздражения. Когда я, наконец, отключился, вернувшись в спальню, прохладную и полутемную, она уже не

спала.

Она сидела на краю кровати, обняв колени, и смотрела в распахнутое окно, за которым кипела жизнь тосканского утра. Ее спина, в тонкой хлопковой майке, была прямой и какой-то отстраненной.

- Все хорошо? - спросила она, не поворачиваясь, голос был сонным, но натянутым.

- Мелочи, рабочие моменты, - отмахнулся я, садясь рядом и пытаясь ее обнять, положить руку на ее прохладное плечо.

- Работа. Никуда от нее не деться, особенно когда делаешь что-то большое.

Она кивнула, коротко, но ее плечо под моей рукой оставалось напряженным, неподатливым. В тот день, пока мы гуляли по крепостным стенам Монтериджони, она была задумчивее обычного, молчаливее. Она отвечала на вопросы, но инициативы не проявляла, будто ее мысли были где-то далеко. Я списывал это на жару или легкую усталость от перелета.

На следующий день звонки и созвоны повторились. И на следующий. Немцы, педантичные и нервные из-за срыва графика, требовали ежечасных отчетов. Местные наши чиновники, почуяв возможность «решить вопрос» материально, выставляли новые, неожиданные условия. Сроки, в которые были вложены огромные деньги, неумолимо поджимали, и мое виртуальное присутствие в рабочем процессе стало критически важным. Я проводил часы, уткнувшись в экран ноутбука, на той самой террасе с открыточным, идиллическим

видом, который теперь стал просто фоном для моего стресса. Солнце по-прежнему светило ослепительно, пчелы гудели в цветах жасмина, оплетающего перила, вдалеке слышался перезвон церковных колоколов, а я, стиснув зубы, орал по телефону на какого-то безымянного, тупого чиновника, пытаюсь пробить его бюрократическое сопротивление, или, сдерживаясь, уговаривал не паниковать немецкого партнера. Я физически ощущал, как красота и покой вокруг становятся раздражающим контрастом моему внутреннему состоянию.

Как-то раз, закончив особенно тяжелый, двухчасовой марафонский созвон, в ходе которого мне пришлось буквально ломать себя, чтобы не сорваться, я с размаху захлопнул крышку ноутбука и обнаружил, что Маши нет на вилле. Не в комнате, не в гостиной. Я вышел в сад, и после долгих поисков нашел ее внизу, в старой оливковой роще за каменной оградой. Она сидела на расстеленном на земле одеяле, рядом лежала раскрытая книга, но взгляд ее был пустым, устремленным куда-то в пространство между серебристыми стволами деревьев.

- Извини, - сказал я, подходя, голос мой хрипел от крика.
- Этот проект... важен и ужасно неудачно вклинился.

Она медленно подняла на меня глаза. В них не было ни гнева, ни обиды, что было бы даже понятнее. Была лишь глубокая, беспросветная усталость и то самое отстранение, которое я начал замечать все чаще.

- Я понимаю, Стас, - тихо сказала она. - Твоя работа важна. Я знаю.

- Именно так, - обрадовался я, даже с облегчением, что она проявляет понимание, не устраивает сцен. - Это не просто контракт. Это контракт на десятки миллионов евро. От его успеха зависит будущее всей моей компании, десятки рабочих мест, мое реноме на международном рынке.

- Будущее компании, - повторила она мои слова без всякой интонации, как эхо, и снова опустила взгляд на книгу, но я был уверен, что она не видела букв.

Я не слышал упрека в ее голосе, и это обманчивое отсутствие претензии меня, странным образом, раздражало еще больше. Почему она не может понять масштаб? Я же не для себя, не из прихоти, торчу здесь с телефоном! Я же не развлекаюсь. Я обеспечиваю. В конечном счете, все это - для нас. Для нашей будущей жизни, для нашего благополучия, для того, чтобы мы могли позволить себе такие виллы, такие путешествия, все, что пожелаем. Эти идиллические пейзажи, этот дорогой покой - все это стоит денег. Огромных, реальных денег, которые не берутся из воздуха. И добываются они вот такими вот нервными, выматывающими днями.

Вечером, пытаясь компенсировать дневное отсутствие и наладить связь, я настоял на поездке в ресторан в соседней, еще более живописной деревушке. Я пытался наверстать упущенное, играть роль идеального мужа в медовом

месяце: заказал самое лучшее, выдержанное вино в карте, самые изысканные, рекомендованные шефом блюда.

Но разговор, который раньше лился сам собой, теперь не клеился. Он спотыкался о паузы, которые становились все длиннее. Она была молчалива, отвечала односложно, играла вилкой с едой на тарелке.

- Тебе не нравится здесь? - наконец спросил я, не выдержав, отодвигая свою тарелку с недоеденным стейком. - Или еда? Может, поедem в другое место завтра?

- Нет, все нравится, - сказала она, подняв на меня глаза. В них отражалось пламя свечи. - Здесь очень красиво.

- Но? - настаивал я, чувствуя, как внутри закипает нетерпение. Я же стараюсь! Я решаю мировые проблемы и одновременно пытаюсь устроить ей праздник!

- Но ничего, - она вздохнула, усталый, безнадежный звук, и отпила вина. - Просто иногда, глядя на тебя за тем ноутбуком на террасе, мне кажется, что ты здесь не со мной. Что ты физически здесь, но на самом деле ты - там, в своем московском офисе, со своими миллионами и проблемами. А я... я просто часть пейзажа. Очень дорогой и красивый, но просто пейзаж.

Ее слова упали между нами, тихие и тяжелые. Я их услышал, но не воспринял. Мне показалось, это просто женская эмоция, преувеличение из-за недостатка внимания.

- Маша, я же объяснил! Это форс-мажор, непредвиденные обстоятельства! Через пару дней, максимум, все утрясется,

бумаги подпишут, и я буду весь, полностью, безраздельно в твоём распоряжении. Обещаю.

- Обещаешь? - в её голосе, слабом и тихом, прозвучала та самая уязвимая надежда, которая когда-то заставляла моё сердце сжиматься. Теперь же я воспринял её как каприз, который нужно немедленно успокоить.

- Конечно, обещаю, - легко, почти беспечно сказал я, наливая ей ещё вина, как будто вино могло смыть эту неприятную беседу. - Забудь. Давай просто насладимся ужином.

Но через пару дней, как я и опасался, ничего не «утряслось». Проблема, наоборот, усугубилась, выйдя на новый, более сложный уровень. Полетели взаимные обвинения между немецкими инженерами и нашими подрядчиками. Мне пришлось провести целый день на непрерывных звонках и видеоконференциях, с утра до позднего вечера, почти без перерыва. Я не заметил, как солнце прошло по небу и село за холмы. Когда я наконец отключил ноутбук, почувствовав оглушительную тишину, ворвавшуюся в уши после многоголосого гама, было уже глубоко за полночь. В доме было темно и тихо. Маша спала. На её прикроватной тумбочке, под светом маленькой лампы, который она, видимо, забыла выключить, лежала раскрытая книга, страницы были помяты, как будто она заснула на ней. Я даже не стал раздеваться, не пошел умываться. Я просто рухнул на свою половину огромной кровати, чувствуя, как голова раскалывается от адской усталости, напряжения и глухой, бессильной злости

на весь мир. Кости ныли, в висках стучало. Она проснулась от моего тяжелого падения на матрас.

- Все... кончилось? - тихо, сквозь сон, спросила она, не поворачиваясь.

- Нет, - проворчал я в подушку, поворачиваясь к ней спиной, чтобы свет от ее лампы не бил в глаза. - Ничего не кончилось. Завтра с утра опять в бой. Спокойной ночи.

Она ничего не ответила. Но я ясно почувствовал, как одеяло с ее стороны легонько, но отчетливо дернулось. Она отвернулась от меня, свернувшись калачиком на самом краю кровати, увеличив расстояние между нами до максимума. В роскошной, наполненной ароматом цветущего жасмина спальне тосканской виллы, ради которой я заплатил огромные деньги, между нашими телами в широкой постели легла ледяная, ощутимая стена отчуждения. И я, засыпая под звон в ушах от дневных криков, думал не о том, как ее разрушить, не о том, как протянуть руку и притянуть ее к себе, извинившись. Я думал о тактике на завтра. О том, как бы наконец допечь этих дотошных немцев и продавить этих беспринципных бюрократов. Это казалось единственно важным, неотложным делом, от которого зависело все. Все остальное - ее молчаливая обида, этот холодок в постели, эта трещина в идиллии - могло и подождать.

Глава 8

Мария

Возвращение в Москву было похоже на резкое падение с высоты той самой тосканской идиллии в ледяную воду. Самолет, аэропорт, и вот мы уже в его черном «Мерседесе», который молча несет нас по мокрому от осеннего дождя асфальту. Я смотрела в окно на знакомые улицы, на спешащих куда-то людей с озабоченными лицами, и мне казалось, что все это происходит не со мной. Что я все еще там, на террасе, залитой солнцем, и жду, когда он, наконец, закончит свой бесконечный звонок, щелкнет крышкой ноутбука и обернется ко мне с той самой улыбкой, которая была вначале. Но звонок никогда не кончался. Просто его источник переместился в другое пространство.

Он привез меня в нашу новую квартиру. «Нашу». Это слово все еще резало слух, как неправильно сшитый шов. Просторную, залитую холодным осенним светом, с видом на стальные и стеклянные небоскребы Москва-Сити, упирающиеся в низкое, свинцовое небо. Все было сделано в строгом, безупречно выдержанном минималистичном стиле: много стекла, хрома, полированного бетона, холодного белого мрамора. Прямые линии, четкие углы, скрытое освещение. Ни одной лишней вещи, ни одной случайной безделушки, никакого намека на личную историю или неуместные

эмоции. Это был не дом. Это был выставочный образец, демонстрационная квартира архитектурного бюро Стаса, призванная впечатлять клиентов. Даже воздух здесь пах не жильем, а новыми материалами и дорогим кондиционером.

- Ну как? - с гордостью спросил он, включая свет, и множество точечных светильников залило пространство безжалостно ровным, белым светом. - Нравится? Я сам все продумывал. Здесь тебе будет не тесно, как в той твоей клетушке. Можно будет наконец развернуться. Обустроить все по-своему.

Я стояла посреди гостиной, на паркете, который блестел, как лед, и чувствовала, как по коже ползут мурашки. От холода, веявшего от поверхностей. От пустоты, которая гудела в ушах. «Развернуться». Сделать что? Я не знала. Моя «клетушка» была переполнена жизнью - книгами, мыслями, незаконченными чашками чая, разбросанной одеждой. Здесь же было негде даже поставить ногу, чтобы не нарушить выверенную геометрию. Мое «по-своему» в этом контексте казалось кощунством.

С тех пор мои дни приобрели одинаковый, монотонный, бесцветный ритм. Он уходил на работу рано, часто еще до моего пробуждения, оставляя на подушке след от головы и в воздухе - легкий шлейф своего дорогого одеколona. Я просыпалась одна в нашей огромной, холодной кровати под тяжелым и бездушно мягким пуховым одеялом. Шла на кухню, которая сияла стерильным блеском неиспользуемой техники

и пустых столешниц, и пила кофе одна, глядя на город, начавший свой суетливый день где-то далеко внизу. Потом... потом наступало время, которое нужно было как-то убить. Часы, тянущиеся с невыносимой медлительностью.

Моя работа, та самая, «дурацкий фриланс», как он небрежно называл ее, почти сошла на нет. Редактор «Архронника», узнав о моей «блестящей партии» (слухи в узких кругах разнеслись быстро), сначала засыпал меня льстивыми поздравлениями и заказами «о светской жизни, о коллекциях, о том, что вам теперь близко». Но потом эти заказы почему-то стали исчезать, становиться все более формальными, а потом и вовсе сошли на нет. То ли он, Стас, действительно что-то сказал кому-то, ненароком обмолвившись, что «жене теперь есть чем заняться», то ли люди в мире искусства сами решили, что жене успешного архитектора, живущей в таком доме, нет нужды и, более того, даже неприлично ковыряться в текстах за гроши. Я пыталась писать что-то для себя, сидела за свой старый, потрепанный ноутбук, который выглядел здесь инородным телом, но слова не шли. Они застревали где-то глубоко внутри, подавленные этим безупречным, давящим порядком.

Я могла часами сидеть на широком подоконнике в гостиной, завернувшись в плед, и смотреть на город, на крошечные, как игрушечные, машины, ползущие внизу по лентам дорог, и ничего не чувствовать. Ни тоски, ни злости, ни даже грусти - абсолютную пустоту. Я была как аквариумная

рыбка, помещенная в пустой аквариум: все условия для жизни соблюдены, но самой жизни нет. Иногда, в приступах отчаяния, я пыталась «обжить» это пространство, нарушить его бесстрастную гармонию. Приносила из старой квартиры свои книги, стопками ставила их на заботливо освещенные полки, предназначенные для дизайнерских альбомов по искусству. Но они смотрелись тут чужими, неуместными, потертыми, как нищие в рванье на званом приеме в смокингах. Я купила пару комнатных растений - фикус и монстеру, в память о тех, что росли у меня раньше. Я старательно поливала их, но они, словно не желая мириться с этой атмосферой, через неделю начали жухнуть и сбрасывать листья, а еще через неделю окончательно засохли. Мне казалось, что даже они, живые существа, не выдерживали этой стерильной, безжизненной атмосферы, этого отсутствия души.

Он возвращался поздно, часто за полночь. Но почти всегда - с цветами. С огромными, безвкусно-роскошными букетами из экзотических орхидей, калл, редких роз. Я молча принимала их, находила вазу, ставила в воду. Цветы стояли, не наполняя дом ни запахом, ни жизнью, а лишь подчеркивая своим искусственным совершенством общую безжизненность, и через несколько дней так же безжизненно увядали, осыпая лепестками паркет.

- Как день? - спрашивал он, целуя меня в щеку мимоходом, уже снимая часы.

- Нормально, - отвечала я одним и тем же словом.

- Что делала?

- Ничего особенного. Читала. Гуляла.

Он кивал, бросал пиджак на спинку дивана (единственный признак беспорядка, который он себе позволял), и его взгляд скользил по безупречно чистым, блестящим поверхностям с тихим, глубоким удовлетворением. Его все устраивало. Дом был в безукоризненном порядке. Жена была дома, в безопасности, под крылом. Все было так, как он и задумал, как спроектировал. Никаких сбоев.

Как-то раз, в порыве безумной ностальгии по нормальности, я решила приготовить ужин. Не заказать из ресторана с доставкой, а именно приготовить, как обычные люди. Я поехала на дальний рынок, нашла нужные, простые продукты - настоящие овощи, а не упакованные в вакуум, курицу, зелень. Потом провозилась на кухне несколько часов, пытаюсь вспомнить рецепты, наполняя дом непривычными запахами жареного лука, тушеного мяса, свежего хлеба. Он пришел, когда я уже накрывала на стол в столовой, на огромный стол из черного дерева.

- Что это? - удивился он, с нескрываемым любопытством, а может, и легкой брезгливостью осматривая простые, «домашние» блюда в обычных тарелках, а не на ресторанном фарфоре.

- Я приготовила. Попробуй, - сказала я.

Он съел немного, вежливо похвалил: «Вкусно, милая». Но я видела, как он без энтузиазма ковырял вилкой в тарелке,

как его взгляд искал привычную ему изысканность, сложность вкусов. Он привык к ресторанам, где еда - это искусство, а не просто питание. После ужина, когда я мыла посуду, он подошел, обнял меня сзади и сказал мягко, но твердо:

- Милая, не утруждай себя так. У нас, конечно, пока нет постоянной домработницы, но еду можно всегда заказать из любого места. Экономь силы. Для более важных дел.

Эти «более важные дела» так и остались для меня загадкой. После этого я больше не готовила. Запах домашней еды больше не нарушал стерильной атмосферы.

Иногда, в попытке убежать от этой всепоглощающей пустоты, я тайком уезжала в свою старую квартиру. Она еще не была продана, решение по ее продаже все откладывалось. Я сидела там, среди пыльных стопок книг, на старом, продавленном диване, дышала знакомым, своим, немножко затхлым воздухом, и мне хотелось плакать. Плакать от тоски по той жизни, по той девушке с горящими глазами, которой я была. По тому творческому и бытовому хаосу, в котором и была настоящая жизнь. Это было похоже на паломничество к своей же могиле. Однажды, вернувшись оттуда позже обычного, я застала его дома неожиданно рано. Он сидел в гостиной с бокалом виски и просматривал документы.

- Где была так долго? - спросил он, не отрывая глаз от бумаг. В его голосе не было тревоги, ревности или заботы, лишь легкое, отвлеченное любопытство, как если бы он спросил о погоде.

- В старой квартире. Забрала еще пару книг, - честно ответила я, показывая на потрепанный томик в руке.

Он наконец поднял на меня взгляд и поморщился, как от неприятного запаха.

- Зачем тащить сюда этот хлам, Маша? Выбрось уже все это, наконец. Продай квартиру. Начни с чистого листа. Здесь все новое, твое будущее здесь.

Я посмотрела на него, на его красивое, уверенное, абсолютно спокойное лицо, и мне стало физически плохо. Я поняла, что он абсолютно серьезен. Искренне не понимает. Для него все мое прошлое, все, что составляло меня до встречи с ним - мои книги, мои мысли, моя работа, моя крошечная, неидеальная жизнь - было хламом. Мешающим мусором, который нужно вынести, чтобы освободить место. Чтобы он мог писать новый, чистый, безупречный лист моей жизни. Нашей жизни. И на этом листе, как я с ужасом понимала, не было места для моего почерка. Только для его чертежей.

Я не ответила. Не было слов. Я просто молча прошла мимо него в спальню, села на край кровати и снова уставилась в огромное, черное от ночи окно, в котором отражалась бледная, бесплотная тень - я. Пустота внутри стала уже не просто отсутствием дел или чувств. Она стала отсутствием меня самой. Я растворилась, испарилась в этом идеальном пространстве. Я стала призраком, тихим, бесшумным призраком в собственном доме. В собственной, чужой жизни. И самое ужасное, самое невыносимое было то, что никто, кроме

меня, этого, казалось, не замечал. Для него все было в полном, безупречном порядке.

Глава 9

Стас

Я не понимал, что происходит. Снаружи, объективно, все было идеально, выстроено по чертежам. Я построил нам идеальную жизнь, как строил свои здания: с крепким фундаментом - мой доход, надежными стенами - статус, связи, роскошной отделкой - быт, вещи. Престижный, безопасный район. Квартира, которую журналы по интерьерам уже просили сфотографировать для своих обзоров, предлагая за это деньги. Я отказывал - нам не нужна была лишняя публичность. Деньги, возможность ни в чем себе не отказывать: от ежедневной смены свежих цветов до отпуска в любой точке мира по первому желанию. После возвращения из провальной, как я теперь понимал, Италии, я с головой, с каким-то почти злобным упоением ушел в работу - нужно было не просто наверстывать упущенное, но и смыть неприятный осадок, доказать себе и всем, что я контролирую ситуацию. Проект с немцами, в конце концов, удалось вытянуть с огромным трудом, и это сулило компании новый виток роста, новые, еще более крупные контракты. Я был на пике, на взлете, чувствовал в себе силу и власть. А Мария... она словно таяла на глазах, как свеча в пустом зале, теряя форму, становясь все более призрачной и неосязаемой.

Она целыми днями бродила по квартире, как тихая, бес-

плотная тень, не оставляющая следов на глянцевом паркете. Я предлагал ей записаться в какой-нибудь клуб для жен элиты, на йогу в самый дорогой центр, на курсы истории искусств или даже черт возьми, на скульптуру из мыла - лишь бы занять себя, найти точку приложения энергии. Она лишь отмахивалась, не глядя на меня: «Не хочу». Слово было плоским, лишенным даже оттенка каприза. Просто констатация факта, как «небо голубое». Я нанял домработницу, тихую, услужливую женщину, чтобы Маша не утруждала себя даже уборкой, чтобы у нее освободилось время для чего-то «важного». В итоге она вообще перестала что-либо делать. Казалось, она разучилась даже варить себе кофе. Просто сидела на том дурацком, широком подоконнике в гостиной, обхватив колени руками, и часами смотрела в окно, на серое московское небо или на огни вечернего города. Ее подавленность, это немое, всепроникающее уныние, начали меня по-настоящему раздражать, а потом и злить. У нас же все есть! Все, о чем только можно мечтать! Чего еще не хватает этой женщине для полного, абсолютного счастья? Я ломал голову и не находил ответа.

Однажды вечером, вернувшись раньше обычного после удачных переговоров, я застал ее плачущей в ванной. Дверь была приоткрыта. Она сидела на холодном кафельном полу, прислонившись к стене, и тихо, безнадежно всхлипывала, уткнувшись лицом в колени. Зрелище это, такое немыслимое в нашем идеальном, победном мире, поразило меня,

как удар. Но первым чувством был не страх за нее, а досада. Опять.

- Маша! Что случилось? - я вошел, присел рядом на корточки, потянулся к ней, чтобы обнять, прижать к себе.

Она резко, с неожиданной силой отшатнулась, как от огня, прижавшись спиной к стене. Ее глаза, полные слез, смотрели на меня не с мольбой, а с испугом и отчаянием.

- Ничего. Просто уйди, пожалуйста. Оставь меня одну.

- Как это «ничего»? Ты плачешь, сидишь на полу! - мой голос прозвучал резко. - Скажи наконец, что происходит? Может, ты больна? К врачу сходить? Может, к психологу? Я найму самого лучшего!

Она медленно подняла на меня заплаканные, опухшие глаза, и в них было столько накопленной, немой боли и такой беспросветной усталости, что мне на секунду стало не по себе, холодок пробежал по спине. Но я тут же загнал это ощущение внутрь.

- Мне не нужен врач, Стас, - прошептала она, и ее голос дрожал. - Мне не нужен психолог. Мне нужно... - она замолчала, смахнула слезы тыльной стороной ладони грубым, почти мужским жестом. - Мне нужно, чтобы ты меня просто услышал. Услышал по-настоящему.

- Я тебя слушаю! - взорвался я, вскакивая на ноги. Голос гремел под сводами ванной. - Я постоянно спрашиваю, что случилось! Что не так! Ты ничего не говоришь! Ходишь, как затюканная, лицо вытянутое. Я же не могу читать твои мыс-

ли! Я не экстрасенс!

- Я не про это! - ее голос внезапно сорвался на крик, хриплый, надрывный. Она тоже поднялась, опираясь о стену. - Я не про то, что случилось сегодня, какой-то конкретный повод! Я про то, что происходит каждый день! Каждый божий день! Мне плохо, Стас! Мне ужасно, невыносимо плохо! Мне одиноко и пусто в этой твоей золотой клетке! Я не могу здесь дышать! Мне нечем дышать!

Я встал, смотря на нее сверху вниз, чувствуя, как гнев и обида наполняют меня, вытесняя мимолетную тревогу. Ее слова казались мне верхом неблагодарности, капризом избалованного ребенка, который получил все игрушки мира и плачет, потому что ему скучно.

- Плохо? - повторил я, не скрывая сарказма и раздражения. - Тебе плохо? В квартире за полмиллиона долларов, с видом на весь город, с мужем, который пашет как лошадь, днем и ночью, чтобы обеспечить тебе безбедную, роскошную жизнь? Одиноко? Милая, это называется семья! Так все нормальные семьи и живут! Ты думаешь, у других женщин по-другому? Их мужья тоже целыми днями на работе! Жена занимается домом, детьми, собой! Это нормально!

- Это не нормально! - прошептала она, и в шепоте этом была такая твердая, ледяная убежденность, что я на миг опешил. - По крайней мере, для меня. Это смерть.

- Ты просто не знаешь, чего хочешь, - отрезал я, чувствуя, как злость и разочарование закипают во мне, переливаясь

через край. - У тебя была своя тесная, заваленная хламом квартирka и твой «дурацкий фриланс», который не приносил ни гроша. Теперь у тебя есть все. Абсолютно все. А ты ноешь и устраиваешь истерики на полу в ванной. Может, тебе просто заняться чем-то полезным, а не киснуть и не выдумывать себе проблемы?

Она смотрела на меня, и слезы в ее глазах вдруг высохли, будто их выжгло это мое непонимание. Осталась только та самая, знакомая, ледяная и бездонная пустота, которая пугала меня больше любых слез. Она медленно, словно противясь гравитации, поднялась с пола, отряхнула халат.

- Заниматься нечем, - тихо, без интонации, сказала она, глядя куда-то мимо меня. - Абсолютно нечем.

И вышла из ванной, оставив меня одного в блестящем пространстве, еще полном эхом нашего скандала.

Я остался стоять, все еще кипя от возмущения и праведного гнева. Неблагодарная. Совершенно неблагодарная. Я ломаюсь на работе, строю будущее, а она, в тепле и комфорте, устраивает истерики из-за какой-то выдуманной, абстрактной тоски. Депрессия, что ли? Надо было что-то сделать. Срочно. Развеять ее хандру, вернуть все в нормальное русло. Я не мог допустить, чтобы это тлетворное настроение разрушало то, что я с таким трудом создал.

На следующий день, по дороге с работы после подписания выгодного контракта, я заехал в бутик той самой несговорчивой итальянской марки. Я вспомнил, как она как-то, еще

до свадьбы, мельком показала в глянцевого журнале на одну модель и сказала: «Выглядит интересно, хотя и чудовищно дорого». Я купил сумку, новую, только что поступившую в коллекцию. Но я был абсолютно уверен, что такой жест, такой очевидный знак внимания и любви, не может не подействовать. Это же физическое воплощение заботы! Ей просто нужно напомнить, что ее любят, что о ней думают.

Вернувшись домой, где царила та же гнетущая тишина, я торжественно, с легкой улыбкой победителя, вручил ей большую, тяжелую коробку с узнаваемым логотипом.

- На, - сказал я, стараясь, чтобы голос звучал нежно. - Держи. Чтобы было не так одиноко и грустно.

Она взяла коробку, не глядя на меня. Села на диван, открыла ее, откинула слои шелковой бумаги. Посмотрела на кожаную сумку песочного оттенка без единой эмоции на лице. Не было ни радости, ни удивления, ни даже простого любопытства. Лицо было маской.

- Спасибо, - ровным, безжизненным голосом произнесла она, закрыла коробку, поднялась и отнесла ее в спальню, в свой гардероб.

Больше я этой сумки на ней не видел. Ни разу. Она исчезла, как и все остальные мои подарки - украшения, одежда, гаджеты - в недрах ее гардеробной, словно в черной дыре, которая поглощала не только вещи, но и все мои попытки достучаться. Это окончательно, бесповоротно вывело меня из себя. Я перестал понимать, чего же она хочет на са-

мом деле. Я давал ей все, что, по моему разумению, по опыту, по наблюдениям за другими, могло и должно было сделать женщину счастливой. Деньги, безопасность, вещи, статус, комфорт. А она хотела каких-то эфемерных разговоров «по душам», какого-то неуловимого «понимания», каких-то абстракций, которые нельзя пощупать, измерить, положить в банк и на которые нельзя положиться в этом жестоком мире. Ее язык был для меня иностранным, полным ненужных и непрактичных слов о чувствах, а мой язык дел и подарков был для нее, видимо, пустым звуком.

Я отступил. Сдался. Если она не ценит, не видит, не хочет принимать то, что я делаю, то и ладно. Зачем биться головой о стену? Я сосредоточился на работе. В конце концов, это была та единственная сфера, где мои усилия, моя логика, моя воля приносили осязаемый, измеримый, впечатляющий результат. Где меня понимали с полуслова, где ценили, где не было этой изматывающей, непробиваемой, как броня, глухоты. И которая, как я начинал с холодной яростью подзревать, была вовсе не моей, а ее. Она не слышала меня. Отказывалась слышать. Не слышала громкого, веского языка подарков и материальной заботы, единственного языка, который я считал по-настоящему весомым, доказательным, настоящим. Я перестал спрашивать, что случилось. Перестал пытаться ее «развеселить», удивить, осчастливить. Это было бессмысленно. Мы погрузились в тяжелое, гнетущее, плотное молчание, которое разрывалось лишь редкими, необхо-

димыми, бытовыми фразами, произносимыми без интонации. «Во сколько вернешься?» - «Не знаю. Не жди». «Принести тебе кофе?» - «Не надо. Спасибо». «Надолго уезжаешь?» - «На пару дней. Совещание в Питере».

Глухота, к которой я так возмущенно приписывал ее, стала взаимной. Полной и тотальной. И, черт возьми, так было проще. Гораздо проще. Не нужно было тратить силы, нервы, время на расшифровку невнятных сигналов. Не нужно было испытывать раздражение и гнев от непонимания. Можно было работать. Можно было жить, как в хорошо спроектированном, но пустом здании - функционально, без сюрпризов. Я ведь сделал все, что мог.

Глава 10

Мария

После того вечера в ванной, после той сумки, которая должна была заткнуть дыру в моей душе, что-то внутри окончательно сломалось и затихло. Не с грохотом, а с тихим, окончательным щелчком, как закрывается крышка на шкапулке, из которой убрали последнюю драгоценность. Мы научились искусно, почти профессионально избегать друг друга в собственном, огромном доме. Он - залипая в телефоне с важным видом, или пропадая в кабинете за плотно прикрытой дверью, или заказывая еду в свою часть квартиры, когда знал, что я на кухне. Я - в своих мыслях, которые становились все тише и беднее, в наблюдениях за пылинками, танцующими в луче света, или просто у окна, которое было моим единственным порталом в хоть какую-то жизнь.

Этот вечер не отличался от других. Он пришел поздно, уже за полночь. Я слышала, как щелкает замок, как он с силой бросает ключи в фарфоровое блюдо на консоли в прихожей, как тяжело дыша проходит по коридору в спальню, не заглядывая в гостиную. Я сидела в гостиной, в полной темноте, которую нарушал только тусклый свет уличных фонарей, и притворилась, что не заметила его, что я уже часть этой темноты. Через несколько минут он вышел из спальни, уже в мягких спортивных штанах и футболке, босиком.

- Ты не спишь? - его голос прозвучал глухо, нарушая давящую, почти осязаемую тишину. Он не вошел в комнату, остановился в дверном проеме, силуэтом.

- Нет, - ответила я, не поворачивая головы.

- Почему в темноте сидишь? Испортится зрение.

- Так удобнее. Не спит.

Он постоял еще мгновение, словно ожидая, что я что-то добавлю, что-то вроде «как твой день?» или «устал?». Но я молчала. Тогда он просто пожал плечами, жестом, который я скорее угадала, чем увидела, и направился на кухню. Я слышала, как он открывает тяжелую дверцу холодильника, как лязгает бутылка о стеклянную полку, как он наливает себе минеральной воды. Потом - звук включенного телевизора в маленькой гостиной на другом конце коридора. Он смотрел новости или аналитическую программу. Всегда новости, биржевые сводки, политические дебаты. Ему было интереснее, спокойнее, привычнее слушать о мировых кризисах, скачках доллара и коррупционных скандалах, чем пытаться услышать тихий, затухающий голос того, что творилось в душе у его жены. Там были непонятные, неконкретные, а потому несущественные категории: одиночество, потеря себя, тоска. Это не конвертировалось в деньги, не влияло на репутацию, не решалось одним звонком. А значит, не имело значения.

Я не двигалась. Сидела, обняв колени, и смотрела на огни города, на бесконечную россыпь желтых и белых точек. Они

казались такими далекими, такими чужими, как звезды в другой галактике. Как и все в этой жизни, которая, казалось, принадлежала кому-то другому. Я машинально вспоминала нашу первую ночь. Тот сладкий, пьянящий хаос, опрокинутую тумбочку с глухим стуком, его хриплый, животный шепот у самого уха, его руки - берущие, требовательные, полные не знающей границ жажды. Я пыталась вызвать в себе то чувство - жадное, острое, первобытное, заставлявшее забыть обо всем. Но вместо него была только тяжелая, свинцовая, всепроникающая усталость. Она сидела в костях, в мышцах, заполняла голову тишиной. Усталость не от дел, а от их отсутствия. От этого гнетущего молчания, ставшего нашим основным способом коммуникации. От одиночества, которое было в тысячу раз страшнее того, когда ты физически один. От бесконечных, изматывающих попыток достучаться до глухой, непроницаемой стены, которую он возвел вокруг себя и которую принял за крепость.

Когда-то, в самом начале, его самоуверенность, его циничная, непоколебимая позиция казались мне проявлением силы, внутреннего стержня, которого так не хватало вечно сомневающимся интеллигентам из моего круга. Теперь я понимала, что это была не сила. Это была просто глухота, обнесенная высоким, неприступным забором прагматизма и презрения ко всему «неосвязаемому». Он не слышал меня не потому, что не мог, а потому что не хотел. Сознательно отказывался.

Потому что мой внутренний мир, мои потребности, моя душевная тоска были для него не более чем неудобным, назойливым шумом, помехой в идеально отлаженном, эффективном механизме его жизни. Он пытался заглушить этот шум самыми очевидными, с его точки зрения, способами: деньгами, дорогими подарками, комфортом, статусом. В его системе координат это и была любовь, забота, решение проблем. А когда эти меры не помогли, когда «шум» не прекратился, он просто отключил звук. Вышел из комнаты. Погрузился в работу. Надел наушники в виде телевизора с новостями. И сделал вид, что тишина, воцарившаяся в доме, - это и есть долгожданный покой.

Телевизор вдали умолк. Послышались его неторопливые, уверенные шаги по коридору. Он прошел мимо открытой двери в гостиную, даже не замедлив шаг, не заглядывая внутрь, и направился в спальню.

- Иду спать, - бросил он в пространство, информируя.

Я не ответила. Что я могла ответить? «Спокойной ночи»? Это было бы лицемерием. Молчание было честнее. Прошло полчаса, может, больше. Я знала, что он уже спит. Он всегда засыпал мгновенно, как только голова касалась подушки, словно выключая внутри себя некий главный рубильник, отделяя день с его делами от ночи с ее отдыхом. Никаких терзаний, никаких бессонных раздумий. Для меня же необходимость идти в ту же постель, лечь рядом с ним в темноте, чувствовать исходящее от его тела тепло и при этом с

физической ясностью осознавать, что между нашими двумя лежащими в метре друг от друга телами - километры ледяного, мертвого безмолвия и непроходимой стены непонимания, было самым тяжелым, унижительным испытанием каждого дня. Это был финальный акт нашего ежедневного спектакля под названием «Семья».

Я наконец поднялась с подоконника, и медленно, как на эшафот, пошла в спальню. Дверь была приоткрыта. Я вошла внутрь. Спальня была освещена только холодным, синеватым светом почти полной луны, который полосами пробивался сквозь щели вертикальных жалюзи и ложился на пол и на кровать. Он лежал на спине, одна рука закинута за голову, другая на одеяле. Его лицо в полумраке, в этих полосах света и тени, казалось спокойным, почти безмятежным. Он не видел кошмаров. Не ворочался. Не вздыхал. Его совесть, очевидно, была чиста. Он ведь обеспечивал свою жену всем необходимым: крышей, едой, деньгами, безопасностью. Он выполнил свою часть контракта. Какие могут быть кошмары? Проблемы были только у меня, а значит, это были мои проблемы, а не его. И он с чистой совестью от них отстранился.

Я остановилась у края кровати и просто смотрела на него. Я вглядывалась в знакомые, когда-то такие дорогие черты - в резкую линию скулы, в темные, чуть нахмуренные даже во сне брови, в губы, которые когда-то вызывали во мне бурю, а теперь лишь холодное равнодушие. Я ждала, что сердце ек-

нет, сожмется от старой боли или от остатка нежности, что где-то в глубине, под толщей усталости и обиды, проснется та самая, первая, истерзанная до дыр, но все еще тлеющая искра. Хотя что-то. Но ничего не было. Абсолютная пустота. Ничего, кроме той самой всепоглощающей усталости. Она заполнила меня целиком, до краев, вытеснив все остальные чувства. Даже обида и боль, такие острые раньше, притупились, превратились в фоновый, монотонный шум, вроде гула трансформатора за окном. Я была эмоционально истощена. Банк чувств опустел.

Стоя над спящим, безмятежным мужем, в нашей безупречно красивой, дорогой, бездушной спальне, я впервые сформулировала мысль словами: «Это ошибка».

Мысль прозвучала в голове как неопровержимый, объективный факт, вроде «земля круглая» или «вода мокрая». Этот брак, эта совместная жизнь, этот дом, который он с такой любовью построил для нас, - все это была грандиозная, фундаментальная, трагическая ошибка с самого начала. Я пыталась вписаться в его четкий, геометричный чертеж, согнуться, обломать острые углы, стереть свои пометки на полях.

Но ничего не выходило. Я не была тем элементом, той деталью, которую он искал для завершения своей идеальной картины. Я была чужеродным телом, которое его отлаженная, мощная система медленно, но верно отторгала. И эта самая система, этот «идеальный порядок», эта тишина - они

медленно, день за днем, убивали во мне все живое. Я не плакала. Слез больше не было, они все выплаканы там, на кафельном полу в ванной. Было только холодное, трезвое, почти облегчающее осознание. Осознание того, что я больше не могу. Не могу выносить эту пустоту. Не могу притворяться. Не могу жить жизнью призрака в музее чужой мечты. Я больше не хотела. И это «не хотела» было сильнее всех страхов.

Я развернулась и вышла из спальни так же тихо, как и вошла. Прошла обратно в гостиную, к своему островку - подоконнику. Села и снова уставилась в ночной город. Что дальше? Куда идти, когда за спиной - весь твой, казалось бы, устроенный мир? Как выбраться из этой красивой, удобной, безопасной, но абсолютно смертельной ловушки, не разорвав себя в клочья? Первая, робкая, но абсолютно четкая мысль об уходе, о разрыве, о бегстве поселилась во мне, как холодное семечко. Она была тихой, лишенной пафоса, но невероятно твердой. Как тот самый щелчок в душе, который окончательно отделил «до» от «после». «До» - это была борьба, надежда, попытки достучаться. «После» началось сейчас, в эту лунную ночь. Теперь, осознав это, нужно было найти в себе силы, осколки своей воли, чтобы сделать следующий шаг. Первый шаг прочь.

Глава 11

Реальность Б

Станислав

Поздний ноябрьский вечер. Я возвращался с очередной, затянувшейся далеко за полночь встречи, голова раскалывалась от усталости и от глупой, бесплодной беседы с людьми, которые говорили много, а смысла несли мало. Реш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.